

УДК 316.3, 316.44

Михайлов Владимир Владимирович,
доктор философских наук, доцент, временно безработный.

Михайлов Володимир Володимирович,
доктор філософських наук, доцент, тимчасово безробітний.

Mikhaylov Vladimir Vladimirovich,
doctor of philosophy, associate Professor,
temporarily unemployed.

ПРОБЛЕМА СНЯТИЯ НЕГАТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки снятия негативных социальных ограничений, препятствующих свободной творческой самореализации и жизнедеятельности человека не имеющей антисоциальной направленности, предлагается авторская методология исследования и понимания современной социальной реальности как “вторичной рабовладельческой формации”, систематически воспроизводящей негативные социальные ограничения как свой базовый архетип.

Ключевые слова: архетип, социальные ограничения, вторичная рабовладельческая формация.

ПРОБЛЕМА ЗНЯТТЯ НЕГАТИВНИХ СОЦІАЛЬНИХ ОБМЕЖЕНЬ

Анотація. У статті розглядаються передумови зняття негативних соціальних обмежень, що перешкоджають вільній творчій самореалізації і життєдіяльності людини антисоціальної спрямованості, що не має, пропонується авторська методологія дослідження і розуміння сучасної соціальної реальності як “вторинний рабовласницькій формації”, систематично відтворюючій негативні соціальні обмеження як свій базовий архетип.

Ключові слова: архетип, соціальні обмеження, вторинна рабовласницька формація.

PROBLEM OF REMOVAL OF NEGATIVE SOCIAL RESTRICTIONS

Abstract. In article some bases and preconditions of removal of negative social restrictions are considered, the author's methodology of research and understanding of a social reality is offered, the hypothesis of a capitalist society as is presented "a secondary slaveholding formation".

Keywords: archetype, social restrictions, secondary slaveholding.

Постановка проблемы. Данная работа является логическим продолжением и закономерным следствием предыдущих публикаций автора, посвященных проблеме социальных ограничений [6] и, даже, наиболее важной их частью, своего рода венцом разрабатываемой в них теории социальных ограничений. Это связано с тем, что любая теория стремится реализоваться на практике и закономерной **проблемой**, вытекающей из всего предыдущего материала, становится вопрос о способах **снятия** негативных социальных ограничений¹, критике которых было уделено достаточно места в предыдущих публикациях. В теоретическом плане без решения вопроса о способах снятия негативных социальных ограничений, которые, подобно юнговскому архетипу, или мифологическому "злому року" испокон веков довлеют над человеком и обществом, ставить задачу каких-либо прогрессивных эволюционных или революционных изменений бессмысленно, так как все они в итоге погрязнут в трясине негативных социальных ог-

раничений. То же самое произойдет и на практике, что мы и наблюдаем на протяжении всей истории, когда "благими намерениями вымощена дорога в ад" и радостные надежды на очередные реформы и революции оборачиваются горькими разочарованиями войн, обнищаний, роста эксплуатации, "архипелагов ГУЛАГов" и прочими проявлениями снижения качества жизни. Соответственно **цель** нашего небольшого исследования — наметить хоть какие-то пути к разрешению указанной проблемы.

Так как разработанная автором модель социальных ограничений не стала, увы, основой для масштабных социологических исследований, то, соответственно, публикаций по этой теме почти нет.

Под "снятием" ограничений здесь подразумевается не гегелевское "снятие", когда прежнее маленькое ограничение входит в дальнейшем в состав нового, большого, а их ликвидация, так как негативные социальные ограничения являются вредным и ненужным явлением.

Анализ последних исследований и публикаций. Степень философской и научной разработанности данной проблемы определяется с

¹ Определение содержится в авторской монографии [3].

одной стороны тем, что эксплицитно, явно она не выступала в качестве темы специального исследования, но имплицитно или фрагментарно она находила свое выражение в разных аспектах в трудах очень многих мыслителей и ученых прошлого и настоящего, например у Лао-цзы, Конфуция, Платона, Аристотеля, Цицерона, Э. Роттердамского, Н. Макиавелли, Б. Спинозы, Т. Гоббса, Д. Юма, Б. Мандевилля, И. Канта, Гегеля, М. Штирнера, К. Маркса, Ф. Энгельса, Ф. Ницше, О. Шпенглера, М. Вебера, В. И. Ленина, В. С. Соловьева, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, П. А. Сорокина, Б. П. Вышеславцева, Н. Н. Алексеева, С. А. Левицкого, М. Хайдеггера, М. Фуко, Д. Белла, К. Поппера, Т. Парсонса, Л. Ларуша, Н. Лумана, К. Хюбнера, А. Макинтайра, С. Московичи, Р. Арона, Г. Маркузе, Х. Арендт, Ж. Деррида, Р. А. Уилсона и многих других авторов.

Среди работ современных российских авторов, затрагивающих эту проблему можно выделить работы Ю. П. Аверина, Л. Ф. Авилова, А. А. Агамова, Ю. К. Бегунова, М. Б. Бекова, Л. Е. Бляхера, А. П. Большакова, В. И. Бородкина, А. В. Бузгалина, И. М. Быховской, И. В. Василенко, К. С. Гаджиева, И. А. Гобозова, Э. Н. Грибакиной, Н. И. Даниловой, Б. А. Диденко, Г. Г. Дилигенского, А. Г. Дугина, Ю. А. Ермакова, А. А. Зиновьева, С. П. Золотарева, А. Г. Зуба, А. А. Кара-Мурзы, С. Г. Кара-Мурзы, Р. Х. Кочесокова, О. Л. Краевой, В. В. Крамника, А. И. Кугая, Е. С. Курбановой, В. А. Кутырева, В. А. Лисичкина и Л. А. Шелепина, С. П. Луж-

ницкого, В. П. Макаренко, С. А. Макеева, С. А. Модестова, К. Х. Момджяна, Л. С. Николаевой, А. В. Новикова, А. С. Панарина, Э. А. Позднякова, А. Г. Погняйло, В. С. Полосина, П. А. Сапронова, Э. Г. Соловьева, В. Г. Тахтамышева, Ж. Т. Тощенко, Г. Л. Тульчинского, Е. М. Харитонова.

Формулирование целей статьи.

Анализ проблемы снятия негативных социальных ограничений, препятствующих свободной творческой самореализации и жизнедеятельности человека.

Изложение основного материала исследования. Методология исследования и решения нашей проблемы предполагает определенную аксиологическо-методологическую позицию, основанную на отказе от веры в ограничивающие нас авторитеты, авторитарно-цитатного, наукообразного стиля размышлений. Цитаты должны не столько “авторитетно” иллюстрировать мысли автора, сколько подтверждать, что он не одинок в своих интуициях и выводах. Наукообразный стиль изложения и многие нормы “научности” сами по себе являются социальным ограничением, в силу скованности науки господствующей в ней парадигмой и корыстными социальными интересами авторов. Требования всегда подтверждать все свои мысли ссылками на мнение авторитетов и первоисточники является не чем иным, как завуалированным запретом на свободу собственной мысли. Но, как сказал Ф. Ницше, “я был бы бочкой без дна, если бы помнил все основания своих мнений”. Так отучают ученых от навыков самостоятельного мышления. Выход — быть

внутренне свободным от навязываемых нам культурой “слов-заглушек”, “фраз-тормозов” и “текстов-стрелок” (Ф. Гиренок) [3], с помощью которых наше сознание пытаются перевести на желательную для ограничителей траекторию.

Следующий метод — невосприимчивость к недобросовестной критике. Неконструктивная критика — вреднейшее явление для любого вида творчества. Поэтому таких субъектов надо не просто избегать, но и наказывать. Если бы убийца А. С. Пушкина Дантес получил в свое время “по рукам”, то Мартынов, возможно, поостерегся бы стрелять в М. Ю. Лермонтова. Но, к сожалению, “по рукам” он не получил, а в результате мы имеем устойчивую лжетрадицию травли и подавления всевозможных талантов и гениев. Как говорится, “если ты Пушкин — готовься к дуэли”... В общем, гонения и критика со стороны дураков и негодяев надежнейшее свидетельство того, что некто на правильном пути и лучшая реклама для мудрых. Например, в современных учебниках философии школа киников обычно замалчивается или критикуется: уж больно грубо и по-хамски относились ее адепты к окружающим, например, знаменитый Диоген. Но ведь общество, в котором жил Диоген, было рабовладельческим, а рабы и рабовладельцы ничего кроме презрения у свободного человека вызывать не могут. Получается, что киников критикуют за критику рабовладельческого общества, исподволь приучая к рабовладению как к норме...

Поэтому, наверное, не нужно читать этот текст тем, у кого нет ба-

зовой интуиции ограничивающего влияния социума, кто не чувствует, не замечает и не понимает окружающей нас социальной несправедливости.

Снятие социальных ограничений может ассоциироваться у кого-то с революцией. Призывает ли автор к революции или нет? Ответа на такой вопрос не будет. Для реального снятия социальных ограничений требуется иной тип мышления. Нас всех долго приучали мыслить в категориях формы, рассуждать, что, мол, лучше: революция или эволюция, демократия или тоталитаризм, однопартийность или многопартийность. А мыслить следует в категориях содержания и не дуально-диалектически, а многомерно полилектически [11]. Важны сами изменения, а не их форма революции или эволюции, важно кому на деле принадлежит власть, как, в чьих интересах и с какими результатами она действует, а не однопартийность/многопартийность или демократия/тоталитаризм.

С самого начала описание социальных ограничений имплицитно исходило из представления о фундаментальном различии общества и человека. Ибо человек как “совокупность социальных отношений” (К. Маркс) не способен понять и ощутить социальных ограничений, потому что сам тождественен им. Подобный “человек” сам является “двуногим ограничением” и вообще это не человек, а личность, подобная карнавальной маске, или социальная роль. “Человек существует как человек не потому, что есть общество. А общество существует не потому, что

есть люди. Социум и человека можно описывать вне зависимости друг от друга. Как нечто самодостаточное. Как субстанции. Социальный человек возникает в момент наложения социальной и антропологической реальности. А оно случайно» [3, с. 38], — писал Ф. Гиренок.

А как же “проблема Маугли”, спросит какой-нибудь очередной критик. “Проблема Маугли” может быть снята через представление о том, что социум и другие люди запускают программу становления и развития человека, который в дальнейшем должен развиваться уже самостоятельно, чему общество и другие люди нередко служат помехой, создавая негативные, деградиационные социальные ограничения.

В целях снятия идеологических и онтологическо-гносеологических ограничений автор будет использовать свою интегральную теорию познания. Она близка к некоторым идеям П. Фейерабенда и заключается в признании равноправия различных форм познания мира, под которыми подразумеваются наука, философия, религия, эзотерика, мистика, мифология, искусство, практическо-обыденный опыт, игра и личностное (автореферентное) знание (М. Полани). Однако правильное и целостное знание дает лишь синтез знаний, полученных из указанных выше форм познания мира. Автор полагает, что главным методом познания является не анализ, а синтез. Анализ, по существу, является не чем иным, как разложением на части, разрушением. Почему разрушение у нас принято ассоциировать с познанием? Ведь еще И. Кант связывал анализ лишь

с низшей формой мышления — рассудком. Задача анализа заключается не более чем в отделении истины от лжи и заблуждений. Анализ как основной метод познания дает не знание, а лишь разрушение целостного восприятия и представления, приводящее к калейдоскопическому идиотизму. Об этом, кстати, писал С. Г. Кара-Мурза в книге “Потерянный разум” [4].

Для знания нужен не анализ, а адекватное и целостное восприятие реальности. Мне кажется, что анализ есть проекция в теорию познания порочного принципа “разделяй, стравливай и властвуй”, принятого в классово и социально-антагонистическом, толпо-элитарном обществе. Аналитический стиль мышления и восприятия мира является негативным социальным ограничением, которое снимается посредством перехода к синтетическому, холистскому стилю, соответствующему принципу “объединяй и созидай”.

Снимать негативные социальные ограничения нужно для более легкой и комфортной жизни в наличном несовершенном обществе, либо для его изменения. Однако многие не только не видят никаких негативных социальных ограничений, но и более того, лишены **“социального интеллекта”** как органа восприятия и осмысления социальной реальности. Мне кажется, что уровень социального интеллекта (чувства, даже “чутья”) у населения постсоветских государств резко понизился, несмотря на выпуск ранее запрещенной исторической, философской, социально-политической литературы и введение в учебные программы курсов поли-

тологии, социологии и т. п. дисциплин. Это особенно хорошо заметно на примере событий последних лет в Украине и в России с этим большие проблемы. Но без социального интеллекта невозможно ни увидеть, ни снять социальные ограничения.

“Посмотрите, — говорит Достоевский, — кто счастлив на свете и какие люди соглашаются жить? Как раз те, которые похожи на животных и ближе подходят под их тип по малому развитию их сознания. Они соглашаются жить охотно, но имеют под условием жить, как животные ... есть, пить, спать, устраивать гнездо и выводить детей...” [3, с.106]. Для таких как бы “мыслящих животных” и в самом деле социальные ограничения не вняты и полезны.

Позорным пятном современного общества является то, что наиболее угнетенными в нем оказываются как раз наиболее развитые его члены. Так, в современной России почасовая оплата труда профессора уравнена с работой курьера или вахтера. Еще Платон, критикуя рабовладельческую демократию, иронизировал по поводу привилегий, которыми пользуются в ней ослы и собаки. Так и сегодня, самыми привилегированными жителями Москвы, например, являются именно собаки: работать им не надо и их полностью обслуживают так называемые “хозяева” (хороший пример: “Собачье сердце” М. Булгакова). Что побуждает человека держать в городской квартире дурно пахнущего пса, считая его к тому же “членом семьи”?

Автору представляется, что современное общество, называемое иногда капиталистическим или либераль-

но-демократическим, представляет собой не что иное, как вторичную рабовладельческую формацию, систему квазидобро-вольного рыночного рабства. В отличие от первичной рабовладельческой формации, классические формы которой известны нам из истории античных Греции и Рима, в которых рабство было официально признано и основным методом порабощения являлось физическое насилие и принуждение, современное рабовладение иное по форме, является скрытым. Основными инструментами принуждения и порабощения рабов являются в нем манипуляция сознанием, финансовая система и ситуационное управление, которое заключается в создании таких ситуаций и обстоятельств, чтобы потенциальный раб все делал как бы добровольно, а не по прямому приказу рабовладельца и вооруженных рабов-надсмотрщиков. Если античного раба брали в плен в ходе военного набега, или продавали в рабство за долги, то современного раба ставят в такие условия, чтобы он сам, “добровольно” продался своему хозяину на рынке труда, да еще и радовался своей работе, опасаясь статуса безработного или опять же “добровольно” взял кредит под грабительские проценты для потребительской работы (то, что потребление тоже является работой, сегодня мало кто понимает). Поэтому общество потребления есть общество двойной — жестокой трудовой и потребительской эксплуатации. Сознание современного человека подвергается непрерывной рекламной агрессии, он буквально затравлен рекламой ненужных ему товаров и услуг.

Возникла вторичная рабовладельческая формация после буржуазно-неорабовладельческих революций в Голландии, Франции, США и других странах, осквернивших себя подобным строем. Рабовладельческим революциям предшествовало рабовладельческое “возрождение”, в ходе которого формировались неорабовладельческие социально-экономические отношения, и возрождалась античная рабовладельческая философия и культура. В духовно-культурном смысле буржуазные революции характеризовались низким и отталкивающим бунтом животных инстинктов и животного строя психики против аристократическо-католической духовности и аскетизма [12]. Место рыцаря и монаха как антропологического идеала заняли раскормленные до свиноподобного состояния буржуа, которых мы можем лицезреть на полотнах голландских художников эпохи “возрождения”. В советском кинофильме про Тиля Уленшпигеля есть символически показательный эпизод, когда друг Тиля Ламме “наказывает” и так не склонного к аскетизму католического монаха, раскармливая его до свиноподобного состояния. Подобно этому и буржуазная культура вела и так развращенную католическую культуру к еще большему разврату. Буржуазные революции узаконили и сделали нормой то, что в феодальном обществе официально считалось грехом, то, что стало формальным предлогом для их начала. Буржуазная безнравственность затмила безнравственность католического духовенства. Буржуазные революции стали симптомом

и катализатором нравственного и культурного падения и социальной деградации.

Технологии порабощения и эксплуатации рабов формировались и оттачивались в колониях, для последующего их внедрения в Европе [1; 2; 7]. Обратим внимание: окончательное закрепощение крестьян в России произошло в 1649 году, параллельно со 2-й буржуазно-рабовладельческой революцией в Англии. А началось закрепощение крестьян в России параллельно с 1-й рабовладельческой революцией в Голландии, куда позже Петр I ездил учиться, правда, не столько кораблестроению, сколько новым методам порабощения народа, успешно примененным им по прибытию в Россию [см. подр. 5]. Крепостное право — не “феодальный пережиток” в России Нового Времени (феодализм был в Киевской Руси), а закономерный результат построения нового, буржуазного общества в глобальных масштабах.

Кого-то может удивить и покоробить подобная интерпретация. Он скажет: а как же свобода, демократия, права человека? Но снятие социальных ограничений предполагает своей предпосылкой открытое, антидогматическое сознание и восприятие.

Рабовладельцы с рабами громче всех кричали о свободе, только первые о своей собственной (которой не было при “проклятом” феодализме и социализме), а вторые о свободе своих хозяев, которую они по недомыслию полагают своей в подсознательных мечтаниях. Раб, по античному определению, есть говорящее орудие рабовладельца, поэтому он

и говорит то, что хочет и думает рабовладелец. Аналогичная ситуация с демократией и прочими правами и свободами человека (а на самом деле — личности, которая, как известно, есть результат социализации, т. е. приспособления человека к наличному обществу). Неправильное понимание этих слов связано с неверной интерпретацией этого определения. В древней Греции демократия — это власть только свободных граждан, в том числе рабовладельцев, а власть всего населения (в том числе рабов) называлась по-другому — охлократией. Так как в современном обществе рабство имеет завуалированный характер, рабам полагается думать, что они якобы сами свободно выбирают своих хозяев и надсмотрщиков (“слуг и представителей народа”) на выборах, на которые их регулярно сгоняют (пока, посредством убеждения, постепенно переходящего в угрозы и штрафные санкции, как в Австралии) и заманивают. Ну а какова цена этих “свободных” выборов, как их фальсифицируют и пропихивают во власть нужных людей сегодня хорошо известно. Социальная теория автора, естественно, входит в противоречие с господствующими в современной социологии (политологии, истории, философии) представлениями. Это неудивительно. Ведь после установления неорабовладельческого строя, многие рабовладельцы, подобно античным “аристотелям и демокритам” занялись философией, социологией, педагогикой и прочими науками, создавая нужную им идеологию для рабов. Например, известный философ, политолог и

теоретик педагогики Д. Локк был по совместительству британским лорд-канцлером и работником, Ф. Энгельс был потомственным рабовладельцем (хозяином предприятий), а К. Маркс — потомственным рабонадсмотрщиком (сыном и внуком раввина) и писал свою докторскую диссертацию по философии Демокрита, античного философа и ученого рабовладельца, сторонника рабовладельческой демократии. Сказанное не означает и того, что Локк, Маркс и Энгельс во всем заблуждались, просто их наследие следует воспринимать с известной долей скепсиса и критичности, обоснованных, в частности, их социальным статусом и происхождением. Французские философы-просветители готовили рабовладельческую революцию во Франции и таких примеров очень много. Так можно ли им после этого особенно доверять? А ведь именно они создавали современное мировоззрение, системы образования и воспитания. Только глупцы черпают “мудрость” из писаний философов-рабовладельцев, не замечая, что они — учителя рабов.

Однако автор в своем представлении о рабовладельческом характере современного общества далеко не одинок. Аналогичные его оценки высказывали, в частности, профессор А. И. Фурсов [10] и М. Сахарова [9]. По мнению А. И. Фурсова, мы находимся в процессе демонтажа классического капитализма и становлении нового, гораздо более жесткого неорабовладельческого строя. На мой взгляд, то о чем пишет А. И. Фурсов, является процессом развития и ужесточения вторичной рабовладельче-

ской формации, которая постепенно отбрасывает свои манипулятивные, псевдодемократические симулякры и, подавляя рудименты феодализма, социализма и крестьянской общинности переходит к открытой рабовладельческой диктатуре, подобной античной.

В неорабовладельческом обществе существуют всего три класса (основных социальных группы): рабовладельцы (богатые частные собственники — хозяева), рабы-надсмотрщики (чиновники, менеджеры, армия, полиция, спецслужбы, преподаватели, разные начальники) и рабы-производители, исполнители и слуги (рабочие, крестьяне, работники сферы услуг (продавцы, водители) и т. п. В современной России, на наш взгляд, сегодня полным ходом идет процесс перевода значительной части класса рабов-надсмотрщиков (преподавателей, ученых, низших чинов чиновников, армии и полиции) в разряд рабов исполнителей, признаками которого является переформатирование системы образования, в том числе “высшего” и послевузовского в сферу услуг, внедрением понятия и форм организации “государственных услуг”, уравнивание тарифов их почасовой оплаты с неквалифицированными работниками без “высшего образования” и т. п.

Такая же социальная структура дублируется на микроуровне, в ячейке рабовладельческого общества — фирме или корпорации: в ней есть рабовладелец (хозяин или хозяева фирмы), наемные рабы-надсмотрщики (менеджеры (начальники) и охранники), рабы производители

и исполнители (рабочие, офисный персонал, продавцы, уборщики, официанты, повара и т. п.). То, что наемный раб может перейти в другую фирму его статуса не меняет: право перехода к другому рабовладельцу (хозяину), которого были лишены классические рабы и полностью закрепощенные крестьяне, означает лишь то, что он находится не в индивидуальной, а в коллективной собственности у класса рабовладельцев. Право перехода рабов дает возможность рабовладельцам осуществлять взаимообмен рабами и избегать бунтов недовольных рабов, посредством их перевода в другое место (как это уже имело место в прошлом, при праве смены хозяина крепостными крестьянами в “Юрьев день”). Многократные переходы с места на место или даже переезды из страны в страну распыляют протестную энергию раба и склоняют его к “христианскому” смирению, потому что жизнь, мол, везде одинаковая. Раб может сделать карьеру, став более высококвалифицированным рабом, повысить себе зарплату за счет карьеры или более интенсивной работы, перейти из рабов исполнителей в рабы-надсмотрщики, которые якобы чем-то управляют и чего-то решают (естественно в рамках и в интересах рабовладельцев), но все это не меняет его подлинного статуса. На верхних уровнях иерархии верховные рабы-надсмотрщики (министры, президенты, топ-менеджеры) смыкаются с классом рабовладельцев. Иногда сами рабовладельцы исполняют функции верховных надсмотрщиков (становятся министрами, президентами, депутатами), топ-ме-

неджеры также иногда переходят в класс рабовладельцев, но система от этого не меняется...

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейших исследований. На этом, в связи с ограничениями объема статьи, мы пока остановимся. Как представляется, нам удалось наметить некоторые методологические подходы к исследованию проблемы снятия негативных социальных ограничений и произвести классификацию современного общества, как общества систематического воспроизводства негативных социальных ограничений в рамках неорабовладельческой общественной формации. Без подобных действий осуществить снятие негативных социальных ограничений невозможно. В качестве перспективы продолжения данной работы можно наметить исследование исторических корней неорабовладения и их сокрытия в ситуации концептуальных и фактологических фальсификаций истории, типологизацию обществ на основании их рабовладельческой и нерабовладельческой природы, исследование путаницы в понятиях социального и технологического прогресса и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия / Ж. Аттали. — М.: Междунар. отношения, 1993. — 136 с.
2. *Ваджра А.* Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии / А. Ваджра. — М.: АСТ, 2007. — 542 с.
3. *Гиренок Ф.* Удовольствие мыслить иначе / Ф. Гиренок. — М.: Академ. проект, 2008. — 235 с.
4. *Кара-Мурза С. Г.* Потерянный разум / С. Г. Кара-Мурза. — М.: Алгоритм, 2005. — 736 с.
5. *Мединский В. Р.* О русском пьянстве, лени и жестокости / В. Р. Мединский. — М.: Олма-Пресс, 2008. — 526 с.
6. *Михайлов В. В.* Социальные ограничения: структура и механика подавления человека / В. В. Михайлов. — М.: ЛКИ, 2011. — 280 с.
7. *Неведимов Д.* Религия денег [Электронный ресурс] / Д. Неведимов, 2003. — URL: http://www.nextstep.ru/blog/_D0_C5_CB_C8_C3_C8_DF_20_C4_C5_CD_C5_C3.pdf (Дата обращения — 10.12. 2015 г.).
8. *Переслегин С. Б.* Новые карты будущего или Анти-Рэнд / С. Б. Переслегин. — М.: АСТ, 2009. — 701 с.
9. *Сахарова М. В.* Добровольное рабство? Милости просим! Рецензия на книгу: Р. Нозик. Анархия, государство и утопия // Пушкин. — 2009. — № 1. — С. 77–80.
10. *Фурсов А. И.* Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. Второе издание, доп. / А. И. Фурсов. — М.: Кн. мир, 2015. — 384 с.
11. *Шушарин А. С.* Полилогия современного мира (критика запущенной социологии): в 5 кн. / А. С. Шушарин. — М.: Мысль, 2005–2006.
12. *Эвола Ю.* Оседлать Тигра / Ю. Эвола. — СПб.: Владимир Даль, 2005. — 512 с.